ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 79

Сборник статей

**LEGAL ISSUES
OF STRENGTHENING RUSSIAN
STATEHOOD**

Vol. 79

Collection of papers

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2018

В.О. Белоносов

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Рассматриваются правовые проблемы, связанные с современным состоянием УПК РФ и гиперактивной практикой внесения в него изменений. За 16 лет своего существования УПК РФ менялся 226 законами и корректировался 27 постановлениями Конституционного Суда РФ, то есть 253 нормативно-правовыми актами. Если в теории права презюмируется, что вносимые в законодательство изменения его улучшают, то гиперактивное законотворчество часто хаотично, нарушает внутреннюю логику закона, искажает смысл норм и институтов, отражает преимущественно ведомственные интересы в ущерб интересам граждан. Внимание к изменениям уголовно-процессуального законодательства и его критический анализ представляются правомерными и благотворными.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, законотворчество, права граждан, ведомственный интерес, внесение поправок, противоречие, непоследовательность.

Чрезмерное уголовно-процессуальное законотворчество заставило нас с 2015 г. ежегодно следить за изменениями уголовно-процессуального законодательства [1. С. 22–27; 2. С. 21–25]. В 2017 г. принято 18 законов, вносящих изменения в УПК, 4 постановления Конституционного Суда РФ признали ряд норм УПК частично не соответствующими Конституции РФ. А за 16 лет (декабрь 2001 – декабрь 2017 г.) УПК РФ менялся 226 федеральными законами и 27 раз корректировался решениями Конституционного Суда РФ, то есть 253 нормативно-правовыми актами.

Представляет интерес динамика изменений. В 2002 г. принято 5 законов, в 2003 – 5, 2004 – 4, 2005 – 1, 2006 – 7, 2007 – 11, 2008 – 6, 2009 – 13, 2010 – 25, 2011 – 21, 2012 – 18, 2013 – 27, 2014 – 31, 2015 – 17, 2016 – 19, 2017 – 18. Из этих цифр видно, что пик гиперактивного уголовно-процессуального законотворчества приходится на 2014 г., после которого он постепенно пошёл на убыль. Уже нет случаев принятия по 7 законов в день, изменяющих УПК, как это было 21 июля и 31 декабря 2014 г. и напоминало выполнение како-

го-то плана. Тем не менее УПК продолжает оставаться в высокой степени нестабильным, так как ежемесячно меняется 1,5 законами.

К сожалению, не оправдались обещания депутатов об упорядочении подхода к уголовно-процессуальному законотворчеству. Напомним, что 22 апреля 2016 г. в Совете Федерации участниками парламентских слушаний по вопросу усовершенствования УПК была признана и осуждена практика хаотичного внесения поправок в уголовно-процессуальное законодательство. В связи с этим депутаты обещали ужесточить практику внесения поправок в УПК – не более 1 раза в год, надеясь тем самым произвести настоящую революцию в уголовном процессе [3. С. 11].

К счастью революции не произошло, да и никто от парламентариев ее всерьез и не ожидал. Но во всеуслышание произнесенное обещание вносить поправки в УПК не более 1 раза в год не было выполнено, а вместе с этим и обещанная постанова заслона хаотичному внесению поправок в уголовно-процессуальное законодательство, которые искажают внутреннюю логику и смысл норм и институтов, отражают ведомственные интересы, подрывают стабильность законодательства и уважительное отношение к закону.

Представляет интерес, какие именно поправки были внесены в УПК в 2017 г. 5 принятых законов (27%) в той или иной степени увеличивают права граждан, в связи с чем их можно охарактеризовать как демократичные.

Это:

1) закон от 07.03.2017 г. № 33-ФЗ, совершенствующий институт отсрочки отбывания наказания;

2) закон от 28.03.2017 г. № 46-ФЗ, предусматривающий возможность ведения в судебном заседании фотографирования, видеозаписи, киносъемки и т.д. Однако непонятно, почему это только возможность, а не обязанность, на что обращалось внимание в юридической литературе [4. С. 55–57; 5. С. 3–5];

3) закон от 28.03.2017 г. № 50-ФЗ, предусматривающий возможность продолжения применения государственной защиты и мер безопасности в связи с приостановлением предварительного расследования, прекращением уголовного дела или уголовного преследования на досудебном и судебном производстве;

4) закон от 17.04.2017 г. № 73-ФЗ, совершенствующий правовой статус адвоката;

5) закон от 01.07.2017 г. № 137-ФЗ, обязывающий должностных лиц принимать решение об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу в 3-дневный срок со дня поступления к ним медицинского заключения из мест содержания под стражей. Хотя такое дополнение больше защищает права граждан, но порождает чувство незавершенности. Любопытно сравнить, как подобное правоотношение регулируется в ст. 63-3 УПК Франции:

«Заключенное под стражу лицо имеет право обратиться с просьбой о медицинском освидетельствовании. В этом случае Прокурор Республики или офицер уголовной полиции вызывает врача для проведения медицинского освидетельствования. Вторично просьба о медицинском освидетельствовании может быть заявлена при продлении срока содержания под стражей. Врач должен прибыть в 3-часовой срок для проведения освидетельствования, которое осуществляется без посторонних лиц при соблюдении принципа уважения личности и сохранения медицинской тайны.

Прокурор Республики или офицер уголовной полиции имеют право в любой момент пригласить врача для медицинского освидетельствования заключенного.

Кроме заключенного просьба о медицинском освидетельствовании может быть заявлена членом его семьи.

Врач незамедлительно обследует содержащегося под стражей субъекта и отражает результаты освидетельствования в своем заключении, которое приобщается к материалам уголовного дела» [6].

Представляется, что такая регламентация более детально и всесторонне регулирует отношения разных участников уголовного судопроизводства при назначении и проведении медицинского обследования лица, заключенного под стражу.

Остальные 13 законов (73%) прав граждан не увеличивают, а регламентируют исключительно ведомственные интересы правоприменителей. В частности, 8 законов вносят изменения в подследственность и подсудность в связи с появлением новых статей в уголовном законодательстве (законы от 03.04.2017 г. № 60-ФЗ, от 07.06.2017 г. № 120-ФЗ, от 26.07.2017 г. № 203-ФЗ, от 29.07.2017 г. № 250-ФЗ, от 20.12.2017 г. № 412-ФЗ, от 29.12.2017 г. № 469-ФЗ, от 31.12.2017 г. № 500-ФЗ, от 31.12.2017 г. № 501-ФЗ). Эта категория законов самая многочисленная. Как правило, они не привносят ничего принципиально нового, а только закрепляют или конкретизируют уже сложившиеся уголовно-

процессуальные отношения между различными ведомствами. Ужесточение подсудности и подследственности создает иллюзию бóльшей работы. Обращает на себя внимание практика принятия законов в последние дни года (29, 31 декабря), наводящая на мысль о выполнении какого-то плана.

Двумя законами (от 28.03.2017 г. № 51-ФЗ, от 29.12.2018 № 468-ФЗ) вносились изменения в многострадальную ст. 82 УПК о хранении вещественных доказательств.

Первый закон предписывает уничтожать игровое оборудование для незаконной организации и проведения азартных игр. Неоднозначность такой регламентации заключается в том, что в этой статье уже прописан порядок уничтожения ряда предметов:

- пришедших в негодность скоропортящихся продуктов (подп. «в» п. 2 ч. 2);

- наркотических средств, психотропных веществ, растений, содержащих эти средства и вещества либо их прекурсоров, а также предметов, длительное хранение которых опасно для жизни и здоровья людей или для окружающей среды (п. 3);

- изъятых из незаконного оборота товаров легкой промышленности, перечень которых устанавливается Правительством РФ (п. 6);

- изъятых в соответствии с законодательством о государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (п. 7).

В той или иной мере все эти товары явно запрещены к распространению, в силу чего они и подлежат уничтожению. Удивляет, что согласно предлагаемого законодателем дополнения образец вещественного доказательства, достаточный для сравнительного исследования (т.е. игровое оборудование, которое использовалось для незаконной организации и / или проведения азартных игр) приобщается к материалам уголовного дела. Представить это сложно.

Второй закон относит к вещественным доказательствам животных (что само по себе неоднозначно) и вводит правила вроде бы гуманного обращения (не только реализация и уничтожение), закрепленные в трех постановлениях Правительства РФ (от 28.05.2003 № 304, от 09.01.2009 № 13, от 31.05.2007 № 367) об объектах животного мира.

Представляется, что желание законодателя перечислить с исчерпывающей полнотой судьбу всех разновидностей запрещенных вещественных доказательств не продуктивно. Более конструктивным представляется формулировка общего правила о судьбе запрещенных

вещественных доказательств, которая дана в постановлениях Правительства РФ.

Неоднозначное отношение вызвал закон от 07.06.2017 г. № 115-ФЗ, вводящий в ряд статей УПК Дальневосточный окружной военный суд наряду с ранее существовавшими Московским, Приволжским и Северо-Кавказским окружными военными судами. Удивление вызывает то, что таких военных округов не существует, а имеется 5 военных округов: Западный, Южный, Центральный, Восточный, Северный [7]. Не является ли это свидетельством глубокого противоречия между реальной действительностью и её отражением в УПК?

Формально правильным, но отвечающим узковедомственным интересам является закон от 29.07.2017 г. № 251-ФЗ, обязывающий судей направлять копии обвинительных приговоров в федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности и /или полномочные органы, ведающие делами о гражданстве РФ. Напрашивается вопрос, а как эти органы, обеспечивающие безопасность и ведающие делами о гражданстве, ранее строили свою деятельность? Что они теперь будут делать с таким большим количеством копий обвинительных приговоров? Кто мешал им раньше брать копии приговоров, учитывая, что они имели какое-то отношение к этим делам?

Закон от 05.12.2017 г. № 387-ФЗ вводит в УПК новую гл. 55.1, касающуюся производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с признанием и принудительным исполнением приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории РФ доходов, полученных преступным путем.

Для правильной оценки этого закона следует напомнить историю его принятия. Подготовка началась в соответствии с поручения Правительства РФ по реализации решения саммита «Группы восьми» в Кэмп-Дэвиде 18–19 мая 2012 г. Законопроект направлен на совершенствование правового регулирования международного сотрудничества по вопросам выявления, замораживания, ареста, конфискации и возврата активов [8]. То есть законопроект начал готовиться в другой политической обстановке, когда Россия входила в большую восьмерку, государство не конфликтовало с внешним миром, не было санкций, понятие «организованная преступность» было другим. В принципе этот закон неплохой, он в целом демократичный, прогрессив-

ный, чем выделяется из других. Но для его правильной оценки с позиции 2017 г. надо иметь в виду следующие обстоятельства.

1. Социально-политическая обстановка в стране сильно изменилась, и не в лучшую сторону.

2. С юридической точки зрения у нас очень непростые отношения с решениями иностранных судов, в том числе с ЕСПЧ. Все потенциальные разногласия нам пытаются объяснить тем, что эти решения могут противоречить Конституции РФ, однако такие объяснения неубедительны.

3. Сложно представить, что в вопросах выявления, замораживания, ареста, конфискации и возврата активов организованной преступности наша страна может быть сильно полезна иностранному судопроизводству. Пока мы являемся свидетелями неединичных случаев обратного.

Хотелось бы ошибиться, но представляется, что этот закон будет не средством борьбы с организованной преступностью, а средством ее имитации.

В заключении следует отметить, что пока не приходится говорить о том, что парламентарии смогли реализовать свои обещания и поставить заслон хаотичному внесению поправок в уголовно-процессуальное законодательство. Интересы ведомств в законотворчестве преобладают почти в 3 раза над интересами граждан, что позволяет утверждать о его недемократичности. В законодательстве продолжают иметь место непоследовательность, противоречивость, пробельность, которые не всегда сокращаются, а порой увеличиваются гиперактивной практикой законотворчества.

Представляется целесообразным дальнейший анализ качества вносимых изменений в уголовно-процессуальное законодательство. Несвоевременны разговоры о принятии нового УПК, так как это важное дело нельзя доверять той законодательной власти, которая так интенсивно и неоднозначно меняет свое законодательство. Актуальным продолжает оставаться вопрос о введении моратория на внесение поправок в УПК либо об их резком сокращении. Приведенные характеристики свидетельствуют о том, что в уголовно-процессуальном законотворчестве мы находимся на пути эволюционного, а не революционного развития, что само по себе неплохо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоносов В.О. О современном состоянии уголовно-процессуального законодательства // Мировой судья. 2016. № 9. С. 22–27.
2. Белоносов В.О. Состояние законодательства как проблема уголовно-процессуального права // Библиотека криминалиста. 2017. № 1. С. 21–25.
3. Качалова О.В. Уголовному процессу обещают перемены // Уголовный процесс. 2016. № 6. С. 11.
4. Дьяконова О.Г., Щепотинин П.В. О необходимости введения «обязательного» видеопротоколирования судебного заседания // Российская юстиция. 2016. № 6. С. 55–57.
5. Хорошев Я.Е. Подготовка государственных обвинителей к введению суда присяжных в районных судах // Законность. 2017. № 1. С. 3–5.
6. Code de procedure pénale. Dernière modification de 01 septembre 2017 – Document généré le 08 septembre 2017. Copyring (C) 2007–2017 Legifrance.
7. URL: <http://fb.ru//article/171789/voennyye-okruga-rossii-sostav-voennyih-okrugov-rossii>
8. Пояснительная записка к паспорту проекта Федерального закона № 101467-7 «О внесении изменений в УПК РФ» (о порядке признания и исполнения приговоров, постановлений судов иностранных государств в части конфискации доходов, полученных преступным путем) // КонсультантПлюс.

LEGAL PROBLEMS OF CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION AT THE MODERN STAGE

Vladimir O. Belonosov, Samara National Research University (Samara, Russian Federation). E-mail: vladimirbelonosov@yandex.ru

Keywords: criminal procedure laws, legislation, citizens' rights, departmental interest, amending, contradiction, inconsistency.

DOI: 10.17223/9785946217637/3

The author analyzed the dynamics of changes in the criminal procedure law in 2017. It was noted that the promises of the deputies about streamlining the approach to making criminal procedure laws were not kept. The study showed that the amendments to the adopted laws (27 %) were to some extent aimed at increasing the rights of citizens. Attention is drawn to the law obliging officials to make a decision to change the preventive measure in the form of detention within three days from the date they receive a medical report from a detention facility. The author notes that although this amendment ensures better protection of the citizens' rights, it gives rise to a feeling of incompleteness. In this regard, the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of France were compared. It was concluded that the rule in the French Criminal Procedure Code regulates the relations of various participants in criminal proceedings in more detail and more comprehensively when appointing and conducting a medical examination of a detained person.

The other (73 %) changes do not increase the rights of citizens, but regulate the departmental interests of law enforcers. This category of laws is the most numerous. It is noted that, as a rule, they do not introduce anything fundamentally new, but only reinforce or specify the already established criminal procedure relations between various departments.

A conclusion is formulated that inconsistencies and gaps continue to occur in the laws; they are not always reduced and sometimes increased by the hyperactive practice of lawmaking.

It seems appropriate to further analyze the quality of the changes in the criminal procedure legislation. Talking about the adoption of a new Criminal Procedure Code is not timely, since this important matter cannot be trusted to the legislative power that changes its legislation so intensively and ambiguously. The question of introducing a moratorium on amendments to the Criminal Procedure Code, or on their sharp reduction, continues to be topical. These characteristics indicate that the criminal procedure legislation develops evolutionarily rather than revolutionarily development, which is not bad in itself.

REFERENCES

1. Belonosov, V.O. (2016) On Modern State of the Criminal Procedure Legislation. *Mirovoy sud'ya – Magistrate Judge*. 9. pp. 22–27. (In Russian).
2. Belonosov, V.O. (2017) Sostoyanie zakonodatel'stva kak problema ugolovno-protsessual'nogo prava [The state of legislation as a problem of criminal procedural law]. *Biblioteka kriminalista*. 1. pp. 21–25.
3. Kachalova, O.V. (2016) Ugolovnomu protsessu obeshchayut peremeny [Changes to be introduced to criminal proceedings]. *Ugolovnyy protsess*. 6. pp. 11.
4. Dyakonova, O.G. & Shchepotinin, P.V. (2016) The need to introduce “mandatory” video- logging of the hearing. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 6. pp. 55–57. (In Russian).
5. Khoroshev, Ya.E. (2017) Podgotovka gosudarstvennykh obviniteley k vvedeniyu suda prisyazhnykh v rayonnykh sudakh [Preparation of public prosecutors for the introduction of jury trials in district courts]. *Zakonnost'*. 1. pp. 3–5.
6. France. (2017) *Code de procedure pénale. Dernière modification de 01 septembre 2017 – Document généré le 08 septembre 2017* [Code of Criminal Procedure. Last change from September 1, 2017 – Document generated on September 8, 2017].
7. FB.ru. (2015) *Voenne okruga Rosii* [Military Districts of Russia]. [Online] Available from: <http://fb.ru/article/171789/voennyye-okruga-rossii-sostav-voennyih-okrugov-rossii>.
8. Russian Federation. (n.d.) *Explanatory note to the passport of the Draft Federal Law No. 101467-7 “On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation” (on the procedure for recognizing and enforcing sentences and judgments of foreign courts regarding confiscation of proceeds from crime)*. [Online] Available from: Konsul'tantPlyus.